

Николай Семенович Капитанов

СТИХОТВОРЕНИЯ

След чей-то. Смолкнувшая даль.
И утренний озноб рябины.
Уронит небо серую вуаль
на жухлую у поля луговину.

А я внезапно, скован тишиной,
вдруг полюблю сентябрьские
дороги
и этот лес с горящей желтизной,
и вдоль реки песчаные отроги.

Почувствую привязанность к
земле,
как к матери, радеющей о сыне,
и к воробью последнему в селе,
что горестно нахохлился на
тыне.

Когда уйдут холодные дожди
и яблоко падёт в траву планетой,
ты больше ничего уже не жди,
как ожидала сенокосным летом.

Ещё подсолнух дикий не поник,
И солнце тускло плавает в
затоне.
Ты вспоминай любви и жизни
миг,
пока листва летит, летит в
ладони.

***

Я ступал по земле, как по небу,
направляясь к знакомой реке.
От волнения думалось: мне бы
не забыть это все вдалеке.

Под ногами пылила дорога,
и шагалось легко, как во сне.
На лугу два задцумчивых стога
освящались в закатном огне.

Голоса становились все глуше
из деревни моей за холмом.
Как чувствительны русские души,
когда песня в душе — о былом!

Вот ольшанника низкие своды -
словно вход к неизвестной
судьбе.
А в реке потемневшие выды
протекали неспешно себе.

Я присел у камней переката.
Солнце стыло в багровой золе.
Я жалел, озаренный закатом,
что недолог мой век на земле.

Тихо-тихо в чернеющем мраке.
Вдоль дороги — столбы,
провода.
Только слышно, как бьется в
овраге,
холодея, живая вода.

Неуютная зябкая сырость
снова мучает душу мою.
Свет в окне — как последняя
милость
за терпение в этом краю.

И за жизнь без любви и без
песен,
за тоску в одинокой судьбе,
Я б умчался в твое поднебесье,
да не знаю дороги к тебе.

Посреди необъятного поля
упаду, безутешно скорбя.
Мне не надо ни ласки, ни воли,
если так не хватает тебя...

Опустело, погасло жилище.
И листву разнесло от крыльца.
Только ветер пугающе свищет.
Да не помню родного лица.

И. Т. А.

Если б Вы осветили, согрели
одинокую душу мою,
поутихли бы злые метели
в неприветливом нашем краю.

Здесь так долго весны не бывает
-
только стужа да мрак декабря.
И стремительно жизнь убывает.
И уже холоднее заря.

Над просторами грустная птица
всё кружит, горизонт накренья.
Подзамёрзла живая водица,
что однажды спасла бы меня.

И когда моя сила земная
будет таять пред близкой бедой,
дивным светом судьбу озаряя,
Вы сверкнёте нежданной
звездой.

Я тогда поднимусь и воскресну,
засияю среди многих светил.
Слыша Вашу счастливую песню,
наберусь и надежды, и сил.

Велика на восходе луна.
Диск багровый над вырубкой
виден.
Я теперь расплатился сполна,
если раньше кого-то обидел?

За деревней родной - ни души.
Здесь почти никого не осталось.
Ты, душа, уходить не спеши,
несмотря на щемящую жалость.

На меже одиноко растут,
став ненужными, старые вишни.
Старики в гости больше не ждут
сыновей - сроки давние вышли...

А роса холодна на траве,
и туман белый-белый в низине.
Были мысли в моей голове,
как грибы молодые в корзине.

Как же ты и зарос, и поник,
край родной, на былой не
похожий.
Всё б отдал за прощенья миг,
но прощенья просить - у кого
же?..

***

Он принёс в дом яблоки, в
плетёной

корзине,
впустив впереди себя сентябрь.
(Дохнуло запахом палых
листьев.)
Тебе... тебе... тебе... - раздавал
он
красные, белые плоды.
Взвалив на плечо корзину,
вышел в сад, где осень катила
по земле, как шары, спелые

яблоки.

***

Из города вывезли все статуи.
Их свалили на берегу реки,
как
мёртвых.
Белые тела поблёскивали
при лунном
свете.
В полночь одна - встала,
огляделась вокруг и,
пошатываясь,
побрела прочь, как странница.
Следом подымались другие
статуи
и молча шагали в город.
Все - до последней.

Вбиваю гвозди в дверь старого
дома.
Невесело - уезжать в последний
день
лета,

когда радость в душе
перебродила
и близкая осень напоминает о
круговороте

времени.
...В траве без умолку трещат
кузнечики,
и тропинка, которая зарастает,
пристала к подошвам - не
оторвёшь

ноги...

Нет, не могу уйти так просто.
И я вынимаю из рамы стекло -
окна помнят ушедшее лето.

Сосед во дворе делает лодку.
С весны - пилит, стучит,
примеряет
доски.

Зачем ему лодка?
С годами она постареет,
даст течь, станет трухлявой.
Потом вовсе исчезнет...
Так нет же - сосед упорно
работает,
не чувствуя
времени,
которое стоит у него за спиной
и ждёт свою лодку...
Родина. Дали безбрежные.
Тишь за околицей - тысячи лет.
Снова зима, молчаливая,
снежная.
Серый холодный рассвет.

Что там тревожное в сумерках

кроется
у занесённых кустов?
Выболит сердце - и вновь
успокоится
среди деревянных крестов.

Ветер по зарослям дико
сторонится,
снегом колючим клубя.

Всё на погосте прошедшее

вспомнится
и не отпустит тебя.

А на берёзах вороны, как лешие,
в воздух галдят невпопад.
Жаль вас, далёко-далёко
ушедшие.
Вы не вернётесь назад.

Где вы, родные и просто
знакомые?
Я здесь без вас - сирота.
Все унесёмся, движеньем
влекомые,
через глухие врата...

Мысленно к жизни земной
возвращаюсь.
Лают собаки в селе.
Всех обижавших - люблю и
прощаю,
всех, кто пребыл на земле.

Устав от суеты вокзальной,
иду туда, где всё уже прошло.
Дымы из труб струятся
вертикально.
И зимним сном окутано село.

В деревьях - звуки векового
звона.
Да за курганом непроглядна
муть.
Лишь в небесах отшельница-
ворона
перелетает узкий санный путь.

Лицо секут позёмки злые плети.
И мысль шальная мучает, как
стыд:
а вдруг меня никто в селе не
встретит,
поскольку я давно уже забыт?

Коль ты один - и дни твои
печальны.
Звезда судьбы то светит, то
зайдёт.

В глухих порывах - голос
погребальный.
И ветер в клочья расстоянья
рвёт.

Тепловоз от гулкового вокзала
дёрнул мою жизнь и весь состав.
Ты за ним, любимая, бежала,
от меня на прошлое отстав...

Будто бы сердца в мгновение ока
чиркнула судьба - и не зови.
А в купе сосед спросил:
Далёко?
До конца, конца моей любви...

Где тебя то время затеряло?
Или я - нечаянно отстал...
По ночам гудит во мне устало
отходящий в прошлое вокзал.

Дни былые в памяти листаю.
Каждый день - прозрачен и
высок.
Я по свету белому блуждаю,
словно ветер, тоже одинок.

Гнусь, как в поле дикие деревья,
подставляя грудь свою судьбе.
Старая, забытая деревня,
думаю с печалью о тебе.

Я люблю родимое раздолье,
песни луга, синеву лесов.
Но твоё позарастало поле,
не слышать весёлых голосов.

Ни стогов, ни скирд за косогором,
ни ночного хрупанья коня.
И давно не открывались взорам
отсветы ребячьего костра.

И теперь о предстоящем хлебе
не мечтает сельский бригадир.
Только в опустевшем небе
стаи улетающей пунктир.

Только холодеющие сини

вечных, неизведанных систем.
Да молчанье скорбное России -
неизвестно даже, перед чем.

Приду сюда. В святое бытие,
когда закружит лиственная
вьюга.
Село увижу тихое мое
за краем увядающего луга.

Здесь всё моё - с рожденья
до креста:
дорога вдаль, заметная до леса,
тумана непроглядная завеса
да расставанья первая верста.

Найду тень дома, что давно
снесли,
и старый сруб забытого колодца.
Ведь горький хлеб моей родной
земли
всего дороже был и остается.

В чужом дому - дорогу дам лучу,
открою в поле высохшие ставни.
Ушедшим, всем, в углу свечу
поставлю
ведь кто-то и за нас зажжет
свечу.

Я всех люблю, с печалью на
челе,
осознавая краткость нашей
жизни.
По всем, кто жил со мною на
земле, -
вздохну легко, светло, без
укоризны.

Как много здесь прибавилось
могил,
в моём краю, и время стало
строже.
Ах, если б я отсель не уходил,
какую б жизнь тогда я, верно,
прожил!

Постучусь, как зябнущая птица,
от волнения не чуя сил.
Выйдет по скрипучим половицам
женщина, которую любил.

Кротко оглядит меня и скажет,
узелок на шали теребя:
"Я тебя не вспоминала даже.
Слишком долго не было тебя.

И любовь свою не окликала
сквозь туманы белые вдали.
Раньше о тебе тайком вздыхала.
Но прошли года, как корабли".

А потом - недужное молчанье.
На исходе северного дня -
ласково коснётся на прощанье
пальцами дрожащими меня.

И пойду неспешно по равнине,
наугад в вечерний снегопад -
одинокий, брошенный отныне.
И она не позовёт назад.

Оглянусь на свет знакомой хаты,
ощущая жжение в груди.
И не скажет женщина: "Куда ты?
Вон какая темень впереди".

Ель в лесу заслонила звезду.
В темноте непроглядна дорога.
К дальней станции тихо бреду,
как во сне, от родного порога.

Под ногами - осенняя медь,
и листву подморозило малость.
Не приходится больше жалеть,
что родных здесь совсем не
осталось.

Ухожу, ни на что не сердясь.
На душе, как зимою, тревожно:
обрывается с родиной связь,
и вернуться назад невозможно.

Слышно мне сквозь заслоны
хвои,
как собаки далёкие лают.
Беспокойные думы мои

горячо в голове пробегают.

Я молю на далёкой версте
тех, кто может на зов
встрепенуться:
не гасите огня в темноте,
чтобы было на что оглянуться!
